

Возрождение духовности

В обществе с помощью
права и морали

Л. В. Безукладова

почетный профессор Венского университета,
академик МАЭН, член Клуба Ректоров Европы,
Президент МАНД, Президент УО МАЭН

У доповіді аналізується моральний стан суспільства ХХІ-го ст. та практичні прийоми формування духовності за допомогою виховання як окремої особистості, так і суспільства загалом.

Ключові слова: самотрансцендіювання, концептуалізація, нігілізм, дезадаптація, компульсивність, аномія, духовність.

В докладі производится анализ нравственного состояния общества ХХІ в. и практические приемы для формирования духовности посредством воспитания как отдельной личности, так и общества в целом.

Ключевые слова: самотрансцендирование, концептуализация, нигилизм, дезадаптация, компульсивность, аномия, духовность.

The moral state of the society of the ХХІ-th century and some practical techniques for the formation of a personality by means of education both the personality and the society is analyzed in the report.

Keywords: selftranssenduation, conceptualism, nihilism, dezadaptation, compulsivity, anomie, spirituality.

Человечество XXI века живет в состоянии ценностного нигилизма. Нет ориентиров, нет ценностей, нет добра и зла. Если нет абсолютных критериев, тогда ничто не является более важным или менее важным, все безразлично. Люди находятся вне нравственного мира. Они учатся, ходят на работу, выполняют свои каждодневные дела, женятся, разводятся, – все в состоянии глубокого безразличия. Альбер Камю в эссе «Миф о Сизифе» исследовал внутреннюю напряженность между нигилизмом и этическими требованиями и постепенно начал создавать новое, секулярное, основанное на гуманизме видение личного смысла жизни и вытекающую из него систему жизненных ориентиров. Люди должны стремиться актуализировать себя, посвящать себя реализации своего врожденного потенциала.

Сегодня многие недуги социальной жизни – преступность, аморализм, проституция, алкоголизм, наркомания и прочие – объясняются прежде всего состоянием бездуховности в современном обществе, состоянием, вызывающем серьезную тревогу и прогрессирующим из года в год. Поиск путей преодоления этих социальных пороков выдвигает проблему духовности в центр гуманитарного знания. Актуальность ее обусловлена также причинами экономического характера: по мере осуществления социальных, экономических, политических реформ в обществе стремительно меняются условия и характер человеческого труда, его мотивация; и эта складывающаяся на наших глазах экономическая ситуация предъявляет новые требования к совершенствованию личности, к ее развитию, к таким личностным качествам, как нравственность, ответственность, чувство долга, которые в конечном счете являются показателями духовной зрелости человека.

Известно, что М. Вебер и Т. Парсонс выделяли 4 типа социального действия:

- 1) аффективное, совершающееся под влиянием чувств, эмоций;
- 2) традиционное, совершающееся в силу традиции, потому, что «все так делают», «так положено делать»;
- 3) целерациональное, ориентированное на рационально поставленную цель;
- 4) ценностно-рациональное, совершающееся в соответствии со значимой для личности ценностью.

В современных условиях форсированного внедрения чуждых ценностных систем, чуждых моделей целеполагания и способов действия происходит, как отмечает К. Касьянова, «угнетение первичных ценностных систем»: человек, запертый в узкую сферу своих личных интересов, чувствует себя как волк, помещенный в клетку. «Его регулярно кормят и даже витамины дают, – с голоду он не умрет, но и жить не сможет». Противоречие между этими бессознательными ценностными структурами, заложенными первоначальным воспитанием, и рационально поставленными целями способно породить сильную напряженность в личности, чувство неудовлетворенности и внутреннего разлада. Человек ставит цели и даже добивается их осуществления, но у него нет уверенности в том, что именно этих целей нужно добиваться, что они стоят того, чтобы тратить на них жизнь, но он не может выделить главного, у него нет критерия для этого.

Таковыми критериями оценки своих поступков и всей своей жизнедеятельности являются для человека ценности. Разрушение же системы ценностей для человека с его ценностно-рациональным поведением особенно болезненно. Не случайно отторжение народа от собственной культуры, ее норм, ценностей, традиций А. С. Панарин называет цивилизационной дезориентацией народа. Именно

ценностная дезориентация, ценностный вакуум, по мнению многих философов, социологов, психологов, является одной из причин роста числа суицидов, алкоголизма, наркомании. На прямую зависимость этих социальных пороков с разрушением ценностей указывал В. Франкл в своей знаменитой книге «Человек в поисках смысла». Указанные факты обуславливают актуальность задачи концептуализации духовности, которая понимается как формирование ценностного сознания личности [1, 18]. Приоритетность этой задачи определяется как интересами сохранения культурной самобытности народа, так и интересами отдельной личности, для которой ценности являются условием ее нормального самочувствия, продуктивного развития и самореализации [3, 97].

Понятие «самоактуализации» – это современная формулировка древней идеи, высказанной еще Аристотелем в четвертом веке до н. э. в связи с его системой телеологической причинной связи. У Аристотеля эта идея выглядела как доктрина внутренней обусловленности, согласно которой надлежащая цель или задача каждого объекта и каждого существа заключается в том, чтобы осуществиться, реализовать собственное бытие. Так, жемчужь реализован в дубе, а ребенок – в полностью актуализированном взрослом. Человек обладает склонностью к росту и целостности личности, а также неким врожденным «личностным профилем», состоящим из уникального набора характеристик, и инстинктивным устремлением к их проявлению. У человека имеется иерархия встроенных мотивов. С точки зрения выживания, первоочередными из них являются физиологические. Если они удовлетворены, индивид может заняться удовлетворением потребностей более высокого порядка – в надежности и безопасности, любви и причастно-

сти, самобытности и самоуважении. Когда и эти потребности удовлетворены, то индивид обращается к удовлетворению потребностей в самоактуализации, состоящих из когнитивных потребностей – в знании, инсайте, мудрости, и эстетических потребностей – в симметрии, согласованности, интеграции, красоте, медитации, творчестве, гармонии. Однако, если человек должен начинать с самого себя (обратиться к собственному сердцу, обрести внутреннюю цельность, найти свой индивидуальный жизненный смысл), он не должен заканчивать собой. Человек начинает с себя, чтобы потом забыть себя и погрузиться в мир; мы постигаем себя не для того, чтобы стать полностью поглощенными собой.

Процесс социального развития личности, как правило, осуществляется в условиях периодического обострения социальной напряженности, трансформации системы ценностных ориентиров и т. п., в результате чего могут развиваться все условия для социальной дезориентации личности, которая может стать основой социальной дезадаптации. Понятие «социальная дезадаптация» включает в себя ряд характеристик. Социальная дезадаптация – это регрессия адаптированности личности к своей социальной среде, ведущая к серьезным нарушениям взаимодействия личности с социальной средой. Поскольку любое проявление неконформизма имеет некоторый элемент социальной дезадаптации, то нельзя понимать этот термин излишне широко: только дезадаптация, ведущая к противозаконным действиям, психическим расстройствам или серьезным конфликтам, может быть объектом вмешательства социальных служб и педагогов. Надо принимать во внимание возрастную и культурную относительность проявлений социальной дезадаптации: поведение, приемлемое для подростка, может быть ис-

толковано как социальная дезадаптация в более зрелом возрасте. То, что нормально в одной культуре или субкультуре, выглядит ненормальным в другой. Нередко социальная дезадаптация молодого человека на поверку оказывается лишь адаптацией к субкультуре какой-то группы. В англоязычном мире есть понятия «малоадаптации» и «неадекватной адаптации» к социальной жизни. Обычно здесь подразумеваются делинквентность, агрессия, неспособность устанавливать прочные отношения. Но приставка «дез» в понятии дезадаптации предполагает, что человек, который когда-то был адаптирован, «разадаптировался». «Дез» подразумевает поворот некоторого процесса вспять. Для эффективности социального развития необходимо учитывать и максимально нивелировать влияние данных факторов, способствующих социальной дезадаптации личности. «Социальное развитие личности представляет собой процесс усвоения человеком социального опыта в межличностных и межгрупповых ситуациях общения и взаимодействия и процесс активного, творческого воспроизводства человеком усвоенного и переработанного опыта». В связи с этим именно дезориентация в усвоении и воспроизводстве социального опыта, развивающаяся на базе информационной неопределенности (ценностного хаоса), приводит к социальной дезадаптации личности и в этом случае нарушаются: – приспособление личности к социальной среде жизнедеятельности, социальное функционирование; – утверждение личности в социальной среде, развивающее личность; – социальная адекватность личности, позволяющая переводить социальные нормы, установки во внутренний мир человека, чтобы они становились внутренними личными требованиями; – социальная идентичность личности как резуль-

тат самоидентификации человека с различными социальными категориями, регулирующая социальное поведение человека, выступающая адаптивным механизмом [4, 122]. Кроме того, собственно социальная адаптация включает в себя когнитивный компонент, человек создает когнитивные схемы, с помощью которых оценивает реальность (Ж. Пиаже). Если эти схемы в значительной степени сформированы под влиянием фиктивной информации, то у человека может произойти замещение реальности. По мнению Г. Маркузе, гуманное общество должно удовлетворять три потребности современного человека: потребность в мире, потребность в существовании без страха, потребность быть наедине с самим собой. В случае развития информационных основ дезадаптации в обществе либо в жизнедеятельности конкретной личности основная часть данных потребностей не удовлетворяется полноценно, личность начинает частично утрачивать адаптивные механизмы и потребность достигать социально-значимых целей. Находясь в мире, личность не может не испытывать на себе воздействие этого мира, его общественных институтов. Входя в сферу влияния данного мира, личность способна адаптироваться к этому миру. Важно, чтобы данная адаптация была полноценной, а именно: как внешне представленной в адаптивном поведении, так и внутренне принятыми ценностными основами данного поведения, поскольку дезадаптация присутствует и в том случае, когда личность внешне освоив адаптивное поведение в мире, испытывает глубокий внутриличностный конфликт, основанный на расхождении внутренних установок и внешне «адаптивного» поведения.

Личность на ранних этапах формируется под влиянием наследственных факторов, и наследственность определяет,

какой была личность до того, как человек осознал себя. С английского языка словосочетание «осознание себя» переводится, как про цесс, когда человек осознает свои недостатки. На самом деле мы должны осознать свое совершенство. Наша цель – понять, почему мы там, где находимся до сих пор, и что необходимо предпринять, чтобы оказаться там, куда мы стремимся. Без сознательных усилий ребенок запрограммирован идти туда, где находились его родители, то есть вниз, к дальнейшему отклонению от ценностных ориентиров. Если же ребенок осознает ценностные ориентиры, то он сможет отойти от моделей «зависти», «неудовлетворенности», «нехватки», которые наполняли его жизнь прежде. Люди рождаются с заложенным потенциалом, который позволяет развивать личность, самоактуализироваться, а в последствии и самотрансцендироваться. Часть этого потенциала заложена в характере, с которым человек рождается. Людям с сильным характером, с врожденной силой воли по жизни удастся все намного проще, чем слабым личностям с меланхолической натурой. Другая часть потенциала переходит генетически, наследственным путем. Не всегда людям достается хорошая наследственность и порой, получив плохой генетический резерв, человек в процессе формирования личности сталкивается с кризисом генетического потенциала. Данный кризис выражается в смещении ценностных ориентиров. Происходит столкновение ценностных ориентиров, переданных наследственным путем, и в процессе семейного воспитания с ориентирами, приобретенными в процессе самотрансцендирования личности и укорененными в сознании моделями поведения. И уже на подсознательном уровне человек игнорирует ценностные ориентиры, наиболее замедляющие процесс самовоспитания.

Самоопределение человека может осуществляться в рамках и по правилам повседневности, а также в соответствии с такими законами социума, когда индивид выбирает себе социальные роли и адаптируется к существующим условиям. Массы людей, способные гибко приспособляться к существующим социальным условиям, как правило, вырабатывают у себя определенный тип конформистского сознания. Резкое изменение социально-экономических условий, смена политического строя, идеологии и т. п. вызывает ответную реакцию у людей конформистского типа: они быстро перестраиваются на «новый лад». Еще вчера они были твердой опорой тоталитаризма, а сегодня они уже в первых рядах борцов за демократию, за права человека, за свободу средств массовой коммуникации. Им неважно, каким идеям они служат, каким богам поклоняются. Их главная определяющая черта – бездуховность, прагматизм, цинизм, приспособленчество [2, 14]. Для конформиста, ориентированного на функционирование в социуме, есть три ключевые ценности – материальное богатство, власть и престиж. Все остальные понятия – справедливость, добро, красота, истина, свобода и т. д. рассматриваются им как идеологическое прикрытие и камуфляж подлинных интересов, как удобная «система фраз», за которой не скрываются какие бы то ни было «универсалии». В мире конформизма другой человек выступает лишь как средство, а не самоценность. Тотальное превращение человеческих отношений из субъект-субъектных в анонимные объект-объектные отношения порождает общество всеобщего отчуждения. Социум такой ориентации шаг за шагом формирует совершенно особый тип массовидного индивида, который под воздействием изощренных технологий СМИ, рекламы и т. п. стано-

вится жертвой навязываемых ему «ложных потребностей» и приземленных идеалов, например: гражданский брак, гражданский муж, гражданская жена. А какой статус у детей, рождённых в гражданском браке?

Адаптационная система ценностей является наиболее типичным и широко распространённым продуктом современной западной цивилизации. Один из крупнейших социологов XX века П. Сорокин, большую часть жизни проживший в США, говоря о кризисе технократической цивилизации, подчеркивал: суть кризиса заключается в постепенной девальвации этических и правовых норм; девальвация зашла так далеко, что сколь бы странным это ни показалось, но этические и правовые ценности потеряли свой престиж. Все больше на истинные нравственные ценности смотрят как на все лишь «рационализации, красивые речевые реакции», маскирующие эгоистические материальные интересы и стяжательские мотивы индивидов и групп, постепенно их начинают интерпретировать как дымовую завесу, скрывающую прозаические интересы, эгоистические желания, страсть к материальным ценностям. Юридические и этические нормы, утверждает П. Сорокин, превратились в простые дополнения к полиции, тюрьмам, электрическому стулу и другим формам проявления подавления и силы. Господствует «право сильного». Наш мир представляет собой общество бесконечно соревнующихся сторон без морального судьи, который мог бы разрешить эти споры. Каждый становится для себя своим собственным законодателем и судьей, считая свой собственный поведенческий образец столь же прекрасным, как и любой другой [8, 162]. Однако человек не есть только «продукт системы», он не сводим к «ансамблю всех общественных отношений». Его сущность может

быть понята только из анализа всех интервалов его бытия, включая диалектику его присутствия «извне» и «изнутри».

Проблемы «пустоты» и самопорождения имеют еще один глубокий и неприятный аспект: экзистенциальное одиночество, которое распространяется много дальше, чем обыкновенное социальное одиночество. Это одиночество, связанное с отделенностью не только от людей, но также и от мира, такого, каким мы обычно его воспринимаем. В таких условиях происходит социальная разадаптация индивида. Появляется личностная замкнутость, неспособность адекватно анализировать окружающую действительность, а что самое главное, возникает ценностная дезориентация, когда ориентиры этического поведения теряют для индивида любое смысловое значение. В таких условиях в сознании личности начинает формироваться устойчивый дисбаланс между гранями социального поведения и ответственностью самости (то есть индивидуального сознания).

«Ответственность «самости» подавляюще огромна, поскольку именно благодаря самости случилось так, что мир есть». Человеком зачастую овладевает страх осознания ответственности. Одна из наиболее распространенных динамических защит от сознавания ответственности – создание психического мира, в котором нет переживания свободы, а есть существование под властью некой непреодолимой, чуждой для Эго силы. Такая защита называется «компульсивностью». Ответственность индивида перед собой неразрывно связана с ответственностью перед социумом, так как именно посредством влияния социума возникают внутренние конфликты личности, приводящие к ценностной дезориентации. Ответственность перед социумом включает в себя также ответственность за поведение в рамках правового

поля, когда индивид осознанно переступает правовые и моральные грани, установленные в данной социальной группе. Осознание ответственности само по себе не синонимично изменению; оно только первый шаг в процессе изменения. Чтобы измениться, человек должен прежде всего принять на себя ответственность: он должен связать себя с каким-то действием. Само слово «ответственность» обозначает эту способность – «ответ» + «способность»* – то есть способность ответить. Социальная ответственность неразрывно связана с правовой ответственностью, а также с правовым нигилизмом.

В социологии есть такое понятие – аномия [5, 19]. Так называют время, когда в обществе происходит падение престижа права. Когда законы и общепринятые нормы перестают оказывать воздействие на поведение людей. Аномия возникает тогда, когда все больше и больше людей проникаются мыслью, что свои права они не могут реализовать, либо обладают размытым понятием своих прав. То есть, человек на подсознательном уровне провозглашает свои права, предварительно абстрагировавшись от обязанностей. Когда социально-правовой нигилизм буквально побуждает к двойной морали, вынуждает искать обходные пути для удовлетворения даже насущных нужд [9, 54]. В такие времена происходит переоценка всех ценностей и стереотипов поведения, жизнь общества перестает регулироваться правом, а само оно распадается на корпоративные группы, в которых действует своя мораль, складываются свои ценности. Право и мораль – это сообщающиеся сосуды. Поэтому готовность к бесконечным моральным компромиссам – это та же эмоциональная и умственная ограниченность,

* Японская пословица гласит: «Знать и не делать – вообще не знать».

некая тупость, которая очень часто становится предпосылкой жестоких насильственных преступлений. «Какая польза от законов в стране, где нет нравственности!» – восклицал Гораций еще две тысячи лет назад.

Русские мыслители всегда понимали это. Они не верили в силу и успешность внешних реформ без душевного и духовного совершенствования человека. «Если внутри смутно, нечисто, злобно, жадно, скверно, то не поможет никакая внешняя форма, никакой запрет, никакая угроза, никакое «избирательное право», – писал известный русский правовед и философ Иван Александрович Ильин, сформулировавший в свое время так называемые аксиомы правосознания [7, 265]. Таковых аксиом три: чувство собственного достоинства; способность к самообязыванию и самоуправлению; взаимное уважение и доверие людей друг к другу.

Зачастую поведение человека в сторону неосознанного нарушения правовых или этических норм заключается не только в активных действиях пренебрежения этими нормами, но и в пассивном бездействии, а точнее сказать, в осознанном упрощении ситуации пренебрежения данными нормами. А значит, что, осознавая последствия поведения в правовых границах, но с отступлением от этических границ, человек начинает себя вести «виктимно», то есть приобретает «способность» стать жертвой преступления. Например, девушка, которая идет с дискотеки в три часа ночи по темному переулку в вызывающей одежде, с точки зрения правового поля не нарушает никаких правовых норм, а наоборот реализует свое конституционное право на свободное передвижение. Однако с точки зрения комплекса этических ценностей и аспектов морального поведения она нарушает принятые в обществе правила, ее поведение оценивается как виктимное, и она уже не-

сет ответственность за те неприятности, которые могут с ней произойти.

В правосознании участвует не только «знание» и «мышление», но и воображение, и воля, и чувство, и вся человеческая душа [6, 18]. Недостаточно верно знать свои правовые полномочия, обязанности и запретности; бывают люди, которые отлично знают их и постоянно злоупотребляют этим знанием для того, чтобы превысить свои полномочия, преуменьшить свои обязанности и сложить с себя запретности. Необходимо не только знать все это, но и признавать в порядке самовмещения и, признавая, иметь достаточную силу воли для того, чтобы соблюдать признанное. Надо обратиться к своему инстинкту и приучить его к «законопослушности» или «лояльности», а это удастся только тому, в ком живет духовность инстинкта, достаточно силь-

ная и определенная, чтобы усвоить духовный смысл права, его цель и его назначение.

Поэтому правосознание можно было бы описать как естественное чувство права и правоты или как особую духовную настроенность инстинкта в отношении к себе и к другим людям. Правосознание есть особого рода инстинктивное правочувствие, в котором человек утверждает свою собственную духовность и признает духовность других людей; отсюда и основные аксиомы правосознания: чувство собственного духовного достоинства, способность к самообязыванию и самоуправлению и взаимное уважение и доверие людей друг к другу. Эти аксиомы учат человека самостоянию, свободе, совместности, взаимности и солидарности. И прежде всего, и больше всего – духовной воле.

Литература

1. *Вернадский В. И.* Биосфера. – М., 1994-1997. – С. 72.
2. Протоиерей Федор Соколов. Духовность. Правопорядок. Преступность // Духовность. Правопорядок. Преступность : Мат. науч.-практ. конф., 28 марта 1996 г. – М., 1996. – С. 58.
3. *Зубков А. И.* Взаимосвязь духовности общества в устойчивости правопорядка в российском государстве. Там же. – С. 159.
4. *Кондратюк Л. В.* Духовность и криминология. Там же. – С. 169.
5. *Миннихметов Р. Г.* Право и социальные нормативы общества / Под ред. Ф. М. Раянова. – М., 2006. – С. 19-20.
6. *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. – СПб., 1999. – С. 221.
7. *Ильин И. А.* Путь духовного обновления. – М., 2003. – С. 265-267.
8. *Алексеев Н. Н.* Указ. тр. – С. 208.
9. *Тер-Акопов А. А.* Безопасность человека. Теоретические основы социально-правовой концепции. – М. : МНЭПУ, 1998. – С. 41-99.